

Содержание:

Image not found or type unknown

Новые юридические составы недействительных сделок

В результате реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации правила о недействительных сделках существенным образом изменились. При этом новое правовое регулирование не вполне отражает идеи, которые выдвигались при разработке Концепции развития гражданского законодательства. В статье содержится анализ основных изменений правового регулирования недействительности сделок и оценка результатов реформирования Гражданского Кодекса Российской Федерации. Делается вывод о противоречивости и незавершенности новых правил, которые, с одной стороны, сближают правовые режимы ничтожных и оспоримых сделок, а, с другой стороны, сохраняют их законодательную дифференциацию. Сохранение деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые при унификации их правовых режимов порождает дополнительные проблемы их квалификации и влечет расширение возможностей для признания сделок недействительными, что не соответствует целям реформы. Новые общие нормы о недействительности сделок содержат в себе огромный негативный потенциал, использование которого недобросовестными лицами может подорвать стабильность гражданского оборота в еще большей степени, чем это было в дореформенный период. В частности, увеличено количество видов ничтожных сделок; чрезмерно широко трактуется понятие сделок, нарушающих публичный интерес; требование о признании недействительными оспоримых сделок может заявить любая сторона сделки в связи с нарушением любых требований закона и т.д. В статье предлагается отказаться от законодательного деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, установить единый правовой режим для всех недействительных сделок (и ничтожных, и оспоримых, и несостоявшихся), основанный на презумпции действительности любой совершенной сделки, вытекающей из презумпции добросовестности и разумности любых действий участников гражданского оборота. Презумпция действительности любой сделки может быть опровергнута

только в судебном порядке. Правовой режим оспаривания сделок необходимо дифференцировать не по видам их недействительности, а в зависимости от особенностей состава тех или иных недействительных сделок.

Основные идеи о реформировании недействительных сделок при разработке Концепции развития гражданского законодательства

Указом Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — ГК РФ) начата реформа гражданского законодательства, продолжающаяся до настоящего времени. Важное место в реформе занимал вопрос о недействительных сделках. Несовершенство законодательного регулирования и состояние судебной практики в сфере признания сделок

недействительными давало возможность недобросовестным лицам оспаривать в суде практически любую сделку. Поэтому усилия рабочей группы при работе над Концепцией развития гражданского законодательства (далее — Концепция) были направлены на минимизацию правовых возможностей оспаривания сделок.

Для этого обсуждалось несколько концептуальных идей:

- 1) полный отказ от деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые и установление в законе презумпции действительности любой сделки, которая может быть опровергнута только в судебном порядке;
- 2) сближение правовых режимов ничтожных и оспоримых сделок при отказе от нормативного закрепления их дефиниций;
- 3) сохранение нормативного определения ничтожных и оспоримых сделок при определенном сближении их правовых режимов;
- 4) установление более строгих требований к основанию признания недействительными ничтожных сделок: вместо несоответствия сделки закону предлагалось установить, что ничтожная сделка должна либо нарушать прямо выраженный в законе запрет, либо о недействительности такой сделки должно

быть прямо указано в законе;

5) «переворот» презумпции ничтожности любой незаконной сделки на презумпцию ее оспоримости;

6) ограничение возможности применения положений о недействительности сделок к договорам: общие положения недействительности предлагалось применять к договорным отношениям лишь в субсидиарном порядке, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров.

Предлагалось еще несколько новелл, которые затруднили бы возможность оспаривать сделки. Среди них были следующие:

1) введение правила «эстоппель», запрещающего ссылаться на недействительность сделки недобросовестной стороне, которая предшествующим поведением давала основания другой стороне полагаться на действительность сделки⁸;

2) введение правила о последующем одобрении (подтверждении) оспоримых сделок, исключающем возможность таких лиц оспаривать сделку после такого одобрения (подтверждения);

3) запрет оспаривать полностью или частично исполненную сделку стороной, которая приняла исполнение по такой сделке, а сама при этом полностью или частично не исполнила своих обязательств;

4) закрепление в законе общего правила, что оспоримая сделка может быть признана недействительной лишь если она нарушает права и законные интересы лиц, имеющих право ее оспаривать;

5) запрет суду по собственной инициативе применять последствия ничтожной сделки, кроме случаев, когда это необходимо для защиты публичных интересов;

6) запрет на предъявление исков о признании недействительными исполненных сделок без одновременного предъявления требования о применении последствий недействительности таких сделок;

7) введение в ГК РФ правил о судебной санации (оздоровлении) недействительных сделок (и ничтожных, и оспоримых) в случаях, предусмотренных законом, когда в целях обеспечения стабильности гражданского оборота суд может оставить недействительную сделку в силе.

В частности, предлагалось сохранять силу сделок, которые без ущерба для прав и законных интересов сторон могут быть переквалифицированы на иной вид сделки, если есть основания предполагать, что другая сделка отвечала бы воле сторон, если бы им было известно о недействительности первой сделки. Также санировать предполагалось сделки, если требование об их недействительности можно квалифицировать как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) в отношении сторон сделки или третьих лиц, а также сделки, признание недействительности которых является бессмысленным в силу того, что такое признание не приведет к защите чьих-либо нарушенных прав или законных интересов.

8) введение в ГК РФ правила о возложении на недобросовестную сторону недействительной сделки обязанности возмещать другой стороне в полном объеме убытки, связанные с недействительностью сделки, исходя из представлений о недействительной сделке как о правонарушении (деликте).

Общие результаты реформирования положений ГК РФ о недействительных сделках

Положения ГК РФ о недействительных сделках в ходе реформы были изменены двумя законодательными актами: Федеральным законом от 7.05. 2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации»¹⁶ (которым п. 2 гл. 9 ГК по сути был изложен в новой редакции), а также Федеральным законом от 8.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского Кодекса Российской Федерации»¹⁷ (которым в ГК была добавлена новая статья 431.1 о недействительности договоров).

Общий итог этих законодательных изменений — действующий ГК РФ в результате реформы лишь частично реализовал концептуальные идеи, которые обсуждались изначально. С одной стороны, ГК РФ действительно затруднил оспаривание сделок по отдельным основаниям, а с другой — расширил возможности оспаривания недействительных сделок в целом.

Тем самым реформа о недействительности сделок оказалась незавершенной, а новые положения ГК РФ — внутренне противоречивыми и представляющими потенциальную опасность для стабильности гражданского оборота.

В результате реформы создалась лишь внешняя видимость затруднения оспаривания недействительных сделок. Хотя новая редакция ГК РФ исходит из презумпции оспоримости недействительных сделок и во многом сближает правовые режимы ничтожности и оспоримости, в целом ГК РФ не решил множества важнейших проблем, необходимых для затруднения оспаривания сделок и укрепления стабильности гражданского оборота. Возможностей признания сделок недействительными стало гораздо больше, чем раньше.

Более того, действующий ГК РФ ввел размытые критерии ничтожных и оспоримых сделок и породил дополнительные трудности их разграничения, а, кроме того, по существу расширил возможности признания сделок недействительными, что идет вразрез с целями реформы. В прежней редакции ГК РФ разграничение ничтожных и оспоримых сделок проводилось довольно ясно: сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима. То есть исключения из общего правила должны быть прямо установлены законом.

После внесения в ГК РФ изменений, по общему правилу, противозаконная сделка является оспоримой. При этом она определяется как сделка, нарушающая требования закона (п. 1 ст. 168 ГК РФ), что по существу тождественно понятию сделки, не соответствующей требованиям закона. Предложения Концепции о том, чтобы сделка нарушала явно выраженные в законе запреты, ГК РФ не воспринял. Это было сделано потому, что о запретах предлагалось говорить в отношении ничтожных сделок, чтобы минимизировать случаи признания сделок ничтожными. Однако поскольку презумпция поменялась — то в отношении оспоримых сделок решено, по сути, оставить прежнюю, смягченную формулировку.

Что в результате получилось? ГК РФ и ничтожные сделки сохранил (и не только сохранил, но и увеличил число их разновидностей), и, кроме того, расширил возможности признания оспоримых сделок недействительными. Если раньше оспоримыми были сделки только по тем основаниям, которые прямо указаны в законе, и оспаривать их могли только лица, указанные в законе, теперь же оспоримой является любая сделка, нарушающая любые требования закона, а оспаривать ее могут не только лица, указанные в законе, но и любая сторона сделки (п. 1 ст. 166 ГК РФ)¹⁸. Таким образом, на основании новых норм ГК РФ любая сторона любой сделки, считающая, что сделка нарушает требования закона (даже несущественные), может оспорить эту сделку в суде, если докажет, что такой сделкой нарушены ее права или законные интересы, или что сделка повлекла иные неблагоприятные для нее последствия.

Одновременно сохранены и ничтожные сделки, но теперь их разновидностей так много, что новая презумпция «оспоримости» любой противозаконной сделки ставится под сомнение. Ничтожными являются все сделки, которые прямо названы таковыми в законе. С квалификацией этих сделок в качестве ничтожных проблем не возникает, как не возникало их и раньше. Например, мнимые или притворные сделки, перевод долга без согласия кредитора и т.д.

Но, кроме этого, появилась категория «новых» ничтожных сделок. Они также должны нарушать требования закона, а кроме этого, отвечать хотя бы одному из новых признаков:

1. посягать на публичные интересы либо
2. посягать на права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

При этом в законе есть оговорка, что даже если соблюдены эти признаки, сделка является ничтожной лишь если «из закона не следует, что такая сделка оспорима». Окончательное решение об оспоримости или ничтожности сделки будет принимать суд, руководствуясь при этом собственным пониманием, «следует» ли из закона оспоримость сделки, что само по себе является серьезной проблемой.

Квалификация недействительных сделок в качестве ничтожных или оспоримых: проблемы разграничения

В связи с сохранением в ГК РФ деления сделок на ничтожные и оспоримые вопрос об их разграничении стал еще более сложным, чем раньше. В первую очередь это связано с появлением в законе новых видов ничтожных сделок, посягающих на публичные интересы либо на права и интересы третьих лиц. В связи с этим выделяется несколько проблем, нерешенность которых оставляет чрезвычайно широкий простор судебному усмотрению.

Первая проблема - неопределенность понятия публичных интересов, которое законодательно нигде не определено. Признание сделок ничтожными в связи с противоречием их публичным интересам представляет собой «каучуковую» норму, которая может трактоваться и как нарушение прав публично-правового образования (государства), и как нарушение иных (абсолютно любых) общественно

значимых интересов. В научной литературе есть предположения, что к публичным интересам можно относить интересы сообщества инвесторов — участников организованных торгов на фондовом рынке, желающих приобрести акции публичного акционерного общества, интересы сообщества потребителей, другие групповые интересы (дольщиков при строительстве многоквартирных домов, абонентов-потребителей электроэнергии, пассажиров по договору перевозки и т.д.).

Более того, публичные интересы, по мнению В.С. Ема, могут объективироваться в частном интересе отдельного субъекта, деятельность которого имеет большой вес в экономике или в котором имеется значительная доля участия государства, либо этот субъект является государственным унитарным предприятием или государственным бюджетным или казенным учреждением. Эти и другие предложения чрезмерно расширяют трактовку понятия «публичные интересы» и поражают ничтожностью максимальный круг сделок, нарушающих те или иные интересы различных социальных групп или отдельных особо значимых в экономике субъектов. Вряд ли стоит доказывать, насколько опасен такой подход для стабильности гражданского оборота.

В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации был вынужден разъяснить понятие публичных интересов в целях признания сделок недействительными.

Во-первых, он сразу отграничил понятие публичного интереса от интереса публично-правового образования, установив, что само по себе нарушение прав публично-правового образования не может свидетельствовать о нарушении публичных интересов. Это, безусловно, правильно, поскольку иначе был бы нарушен основополагающий принцип равенства участников гражданских правоотношений: государство ставилось бы в привилегированное положение по сравнению с остальными тем, что сделки, нарушающие права государства, поражались бы ничтожностью в отличие от сделок, нарушающих права других лиц.

Во-вторых, был приведен перечень публичных интересов:

- 1) интересы неопределенного круга лиц;
- 2) безопасность жизни и здоровья граждан;
- 3) обеспечение обороны и безопасности государства;
- 4) обеспечение охраны окружающей природной среды²².

В-третьих, даже указанный перечень публичных интересов является открытым, что позволяет судам в каждом случае относить к публичным и любые иные интересы, имеющие по их мнению, особо важное значение.

Наконец, **в-четвертых**, к посягающим на публичные интересы отнесены сделки, нарушающие явно выраженный в законе запрет (например, страхование противоправных интересов). Иными словами, то, что при разработке Концепции вполне обоснованно предлагали считать главным и единственным критерием ничтожности сделки, в нормах обновленного ГК РФ, разъясненных Верховным Судом Российской Федерации, превратилось лишь в один из видов ничтожных сделок.

В результате понятие ничтожных сделок в действующем ГК РФ стало охватывать гораздо более широкий круг сделок, чем раньше, а вопросы, которые вынужден решать суд при их квалификации, теперь включают в себя не только определение того, соответствует ли сделка закону, но и посягает ли она на публичные интересы, а также, не следует ли из закона, что, несмотря на признаки ничтожности, сделка все же является оспоримой.

Кроме того, появление новой категории «ничтожных» сделок, посягающих на публичные интересы, мало согласуется с оставлением в ГК РФ статьи об антисоциальных сделках (совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169)). По существу, антисоциальные сделки и есть сделки, нарушающие публичные интересы в их широком понимании. Так, в разъяснениях Верховного Суда о квалификации сделок, противных основам правопорядка или нравственности, приведены примеры составов, представляющих собой нарушения тех или иных запретов, установленных законом (например, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте и т.д.)²³. Поэтому вопрос о практической целесообразности появления в ГК РФ новой категории ничтожных сделок, посягающих на публичные интересы, остается открытым.

Вторая проблема — квалификация сделок, посягающих на права и законные интересы третьих лиц. В силу закона они являются ничтожными (п. 2 ст. 168 ГК РФ), если из закона не следует, что такая сделка оспорима или применяются другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Ярким примером «размытости» этого критерия является продажа чужой вещи без согласия собственника.

Очевидно, что такая сделка нарушает права и законные интересы собственника вещи (третьего лица). На первый взгляд, она должна признаваться ничтожной, и так считают многие известные юристы.

Между тем продажа чужой вещи может считаться сделкой, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица (собственника), и рассматриваться как оспоримая (ст. 173.1 ГК РФ). Однако в случаях, указанных в законе, могут наступать иные последствия отсутствия согласия, например относительная недействительность сделки: в силу закона сделка «не влечет правовых последствий для лица, уполномоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия» (п. 1 ст. 171.1 ГК РФ).

Продажа чужой вещи как раз подпадает под этот случай: сделка не влечет правовых последствий для собственника вещи, но для ее сторон сохраняет силу и в полной мере порождает соответствующие правовые последствия.

Но в законе прямо об этом ничего не говорится, это «следует» из закона, а именно, из ст. 460–462 ГК РФ (правила об эвикции).

Таким образом, сделка по продаже чужой вещи вообще не является недействительной. Продавец обязан передать покупателю товар свободным от прав третьих лиц. При нарушении этой обязанности покупатель может требовать либо уменьшения цены, либо расторжения договора купли-продажи (но не признания его недействительным!).

Если же товар будет изъят третьим лицом у покупателя по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан возместить покупателю причиненные убытки (п. 1 ст. 461 ГК РФ). Верховный Суд России эту ситуацию учел и прямо указал, что положения ст. 167 (о реституции) в данном случае применению не подлежат, из чего следует, что сам договор купли-продажи чужой вещи является действительным, по крайней мере, в отношении сторон сделки (продавца и покупателя).

Третья проблема — невозможность отграничения сделок, нарушающих требования закона, от сделок, посягающих на публичные интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Очень многие сделки, нарушающие требования закона, могут нарушать права и законные интересы третьих лиц или публичные интересы.

Более того, можно с уверенностью утверждать, что едва ли не все сделки, нарушающие требования закона, посягают либо на публичные интересы, либо на права и законные интересы третьих, а иногда на то и на другое одновременно. Это не удивительно, ибо любое требование закона обычно и устанавливается, чтобы защитить публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Нарушение такого требования всегда будет означать посягательство на публичные интересы или интересы третьих лиц. Например, сделки, совершенные с нарушением преимущественного права, нарушают одновременно запрет, установленный законом (публичный интерес), и преимущественное право третьего лица; сделки, запрещенные законом о защите конкуренции, нарушают и права третьих лиц (конкурентов и потребителей), и публичные интересы (конституционный запрет монополизации рынка). Как верно отмечается в литературе, предусмотренная ст. 168 ГК РФ «презумпция оспоримости сделки в отношении сделок, совершенных с нарушением антимонопольного законодательства, распадается абсолютно. Практически любое нарушение антимонопольного законодательства будет либо противоречить публичному порядку, либо ущемлять чьи-то права».

В результате «грань между противоречащими закону ничтожными и оспоримыми сделками стала менее определенной. Причем не только в силу сложного для толкования понятия публичных интересов, но и потому, что в целом идентичные по своим условиям сделки могут быть признаны, как следует из буквального текста закона, в одном случае оспоримыми, а в другом — ничтожными, если будет установлено нарушение охраняемых прав и интересов третьих лиц».

Не нарушают публичные интересы или права и законные интересы третьих лиц лишь некоторые традиционно оспоримые сделки (недействительность которых связана с пороками формы, несоответствием воли и волеизъявления, а также с недостатками правосубъектности). Поэтому, несмотря на формальную презумпцию оспоримости любой противозаконной сделки, в ГК РФ фактически действует презумпция ничтожности любой сделки, нарушающей закон²⁹.

Таким образом, следовало бы установить, что ничтожная сделка — это сделка, нарушающая выраженные в законе запреты, последствием нарушения которых прямо установлена ничтожность либо целью которых является поражение нарушающих их сделок ничтожностью. Все остальные «ничтожные» сделки, нарушающие публичные и частные интересы или интересы третьих лиц, следовало бы относить к оспоримым, и тогда презумпция оспоримости имела бы смысл. При этом для установления ничтожности должно быть совершенно не важно, в чьих

интересах запрет установлен — в интересах стороны сделки, третьего лица или в публичных интересах.

Важным должно быть только одно: имел ли законодатель в виду поражение сделки (или ее части) гражданской ничтожностью в случае нарушения такого запрета или нет.

Критерий нарушенного интереса здесь не играет роли, ведь поражение сделки недействительностью имеет значение для частного права, для которого абсолютно не значимо, какую императивную норму (охраняющую публичный или частный интерес) нарушает сделка. Главное — рассматривает ли закон нарушение данной нормы как достаточное основание ничтожности сделки в частных отношениях или нет. Более того, можно сказать, что в политико-правовом плане, по общему правилу, как раз нарушение сделкой публичных интересов должно влечь не гражданско-правовую недействительность сделки, а иные, публично-правовые санкции (уголовные, административные и т.п.).

И, наоборот, нарушение императивных норм, охраняющих частный интерес сторон сделки или третьих лиц, должно влечь недействительность сделки. Вопрос лишь в том, как идентифицировать те нормы права, несоблюдение которых влечет по замыслу законодателя ничтожность всей сделки или отдельных ее условий. Оптимальным вариантом здесь является сочетание текстуальной ничтожности (т.е. прямое указание в законе о ничтожности сделки как последствию нарушения запрета) и «телеологической» ничтожности, но не в смысле характера нарушенного сделкой интереса (публичного, частного, третьих лиц), а в смысле выявления судами цели установления конкретного запрета: установлен ли запрет в целях поражения сделки ничтожностью при его нарушении или нет.

Четвертая проблема — включение злоупотребления правом в число оснований недействительности сделок. Действующий ГК РФ не называет злоупотребление правом в качестве основания признания сделки недействительной. Более того, последствием злоупотребления правом является отказ в защите соответствующего права (п. 2 ст. 10).

Между тем арбитражная практика, руководствуясь соображениями практической целесообразности, уже давно рассматривает злоупотребление правом как основание недействительности сделки. Такой подход не вытекает из закона и вызывает большие сомнения. Следуя одной логике, такие сделки всегда должны считаться ничтожными, так как они нарушают прямо установленный законом

запрет злоупотреблять правом (п. 1 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ), а, следовательно, посягают на публичный интерес. Но, с другой стороны, всем очевидно, что само по себе злоупотребление правом — это крайне сложно определяемая категория, и объявлять такие сделки ничтожными крайне опасно. В связи с этим Верховный Суд России разъяснил, что «если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или 2 статьи 168 ГК РФ)», т.е. она может быть признана либо ничтожной, либо оспоримой.

Однако вопросы квалификации таких сделок в качестве ничтожных или оспоримых по указанному основанию, безусловно, остаются.

Пятая проблема — расширение судебной практикой ничтожных сделок за счет сделок, не предусмотренных законом. Эта проблема связана с тем, что российская судебная практика пытается включить в круг ничтожных сделок и те, ничтожность которых из закона прямо не следует. Есть круг сделок, не нарушающих требований закона и не обладающих признаками ничтожных (они не указаны в законе как ничтожные, не посягают на публичные интересы и не затрагивают прав и законных интересов третьих лиц). Вся «противозаконность» таких сделок заключается по сути лишь в том, что они «не вписываются» в рамки тех видов сделок, которые предусмотрены законом.

Например, Верховный Суд России высказался о таких сделках следующим образом: «Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится указания на его ничтожность».

В качестве примера приводится ничтожность условия договора доверительного управления имуществом, устанавливающее, что по истечении срока договора переданное имущество переходит в собственность доверительного управляющего.

Однако условие договора доверительного управления о переходе права собственности на имущество к доверительному управляющему по истечении срока управления по своей конструкции мало чем отличается от условия договора аренды с выкупом о переходе права собственности на имущество к арендатору по истечении срока аренды.

Вся разница между ними состоит лишь в том, что в аренде условие о выкупе прямо предусмотрено законом, а в доверительном управлении — нет. Безусловно, условие

о выкупе в договоре аренды также противоречит существу законодательного регулирования аренды, но такое условие прямо предусмотрено законом в отличие от условия о переходе права собственности в доверительном управлении, которое законом не предусмотрено. И лишь на этом основании соответствующее условие в договоре доверительного управления объявляется ничтожным. Возникает вопрос, почему это условие должно становится ничтожным, если стороны так решили? Только потому, что такая возможность прямо не предусмотрена законом? Почему ничтожное условие договора лишь «может быть» признано недействительным, а не должно признаваться недействительным? По существу, речь идет о том, что противозаконными объявляются сделки, не предусмотренные законом, что вступает в явное противоречие с принципом свободы договора и грубо этот принцип нарушает.

Очевидно, что такой подход крайне опасен стабильности гражданского оборота и увеличивает риски признания различных сделок или их условий недействительными.

Особенно это касается так называемых смешанных договоров, которые содержат элементы договоров различных видов, а также условия, не предусмотренные законодательством — всегда есть вероятность толкования таких договоров (или их отдельных условий) как противоречащих существу законодательного регулирования и риск признания их ничтожными в нарушение принципа свободы договора.

Заключение

Таким образом хочу заметить, что в наше время сделки приобретают актуальное значение, так как объем и значимость с каждым годом возрастают. Немаловажное место должно занимать правовая просвещенность граждан по поводу совершения сделок.

Так как в наше время появилось большое количество частных компаний и организаций, а также лиц вступающих во взаимоотношение между ними и между собой, правильность совершения сделки с юридической точки зрения приобретает большой смысл. Порок любого или нескольких элементов сделки приводит к ее недействительности. Вследствие этого вопрос о признании сделки как юридического факта не признается. Между тем недействительная сделка приводит к определенным юридическим последствиям, связанным с устранением

последствий ее недействительности. Так как наше общество развивается по принципам правового государства правильность оформления и совершения сделок между элементами правоотношений способствует развитию правильных общественных отношений.

Анализ некоторых новелл Гражданского кодекса Российской Федерации о недействительности сделок позволяет сделать вывод о наметившейся тенденции к ослаблению правовой защищенности субъектов частного права в такой важной сфере, как совершение и исполнение сделок.